

²⁴ См. Уральская жизнь. — 1914 — 29 янв., 13 марта, 3 июня, 5 июня, 29 нояб., 1916 — 1 апр., 5 мая, 25 авг., 16 сент.

²⁵ Уральская жизнь. — 1914 — 5 марта, см. также Уральская жизнь — 1914 — 4, 18 апр.; 30 мая, 4 сент., 1916 — 16 янв., 6, 12 февр., 28 апр., 28 мая, 29 нояб.

И. В. Ильиных

Восприятие местной власти населением индустриальных городов Среднего Урала на рубеже 20—30-х гг. XX века

Исследование особенностей восприятия населением местной власти и психологии поведения представителей низовых структур советского партийного и государственного аппарата является одним из ключей к пониманию социальной истории эпохи «великого перелома». На рубеже 20—30-х годов XX века местные органы власти представляли собой сложную организационную систему, институты которой были тесно переплетены и связаны между собой через структуры и механизмы партийного руководства.

Социальные, политические, культурные сдвиги, вызванные преобразованиями первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, привели к изменению демографического и профессионального состава местных органов власти. Новые правила «политической игры» позволили сформировать особый слой советского общества, служащий кадровым резервом для партийной элиты. Социальный и профессиональный уровень новых выдвиженцев существенно отличался от облика управленцев дореволюционного и «нэповского» периода. Для обновленного состава управленческих органов приоритетнее были чёткие указания и директивы, дискуссии и рассуждения рассматривались «аппаратчиками» как «мешающая делу пустая болтовня»¹. Поведение назначенца зачастую определялось мнением о том, что «я ответственен только перед тем органом, что дал мне власть». Подобная графовка собственного профессионального поведения во многом определяла целостное восприятие местной власти населением регионов.

Одними из наиболее адекватных источников для изучения проблемы взаимодействия низовых властных структур и общества в 1920—1930-е гг. являются документы, содержащие

«живую речь». Таковыми служат «письма во власть»: заявления, жалобы, петиции граждан в государственные структуры и советским вождям, отражающие колебания общественных настроений, происходившие в ходе социально-экономических преобразований «великого перелома». Не менее содержательным источником являются отчеты и сводки окружных отделов ГПУ о политических настроениях в регионе. В отличие от «писем во власть», материалы ГПУ в основном содержат негативные реакции на действия и мероприятия властей, что не лишает этот источник информативной ценности.

Восприятие местной власти — субъективный процесс по организации и интерпретации представлений о местной элите, ее персонифицированных представителях. Модели поведения населения и стратегии его взаимодействия с региональной администрацией определялись под воздействием факторов как объективного, так и субъективного характера.

Во-первых, адекватность понимания местной власти зависела от ситуации, в которой человек взаимодействовал с представителями управленческого или партийного аппарата. Поскольку в обстановке жилищного и продовольственного кризиса рабочие чаще всего обращались во властные структуры для решения социальных и бытовых проблем и не находили отклика, то в сознании народа укрепился тезис, что «ждать хорошего от них нечего»². Бубнов, слесарь Надеждинского завода, исключенный из ВКП(б) за хулиганство и потому лишившийся привилегий, которые давало членство в партии, сохраняя обиду на власть, расклеивал антисоветские листовки, комментируя: «Наши отв[етственные] работники из партийцев заняли теплые места и обеспечили себе и своей семье приличное жалованье. Они обюрокрагались и на рабочих не обращают внимания»¹.

Вторым фактором, влияющим на восприятие власти, являлись индивидуальные характеристики «просителя». Человек, способный абстрагировать конкретную жизненную проблему от представителя власти, объективнее воспринимал причины невозможности ее решения, если не считал виновным в возникновении трудностей отдельных государственных служащих. Но большинство населения персонифицировало все трудности на конкретных представителей власти, не учитывая объективных факторов: отсутствие четкого

управленческого аппарата советов, частую сменяемость председателей партийных и советских органов управления, текучесть рядовых членов, деление ответственности между всеми, что приводило к потере контроля за выполнением принятых решений.

В третьих, на оценку эффективности деятельности низового советского аппарата существенно влияли личностные и социальные характеристики его отдельных представителей. Анализ информационных сводок ГПУ и писем с мест показывает, что все чаще среди населения региона распространялось мнение, что власти «ничего не делают, говоря, нам деньги платят и ладно»⁴. В основе этих реакций лежала оценка населением профессиональных и личных характеристик административных работников: «депутаты городских советов таковы, каких не должно быть в советской действительности, поскольку среди них процветают пьянки и произвол»⁵.

В четвертых, на адекватность восприятия власти во многом влияли стереотипы, то есть стандартные наборы упрощенных представлений о властных структурах, содержащие односторонние описания и, зачастую, основанные на чужом мнении. Стереотипичность в восприятии партийной и городской администрации проистекала из консервативности мышления и сознания русского человека. Так, отношение к представителям советской власти определялось сохранением традиций патернализма и «наивного монархизма». Содержательно-эмоциональный компонент русских пословиц отражал особенности восприятия деятельности местной власти в царской России, например, «не ведает царь, что делает псарь», «царь думает, а бояре скребут»⁶. Аналогичная оценка работы низового аппарата сохранялась в речевых формах и реакциях населения в советский период: «На местах наверное коверкают распоряжения правительства и партии и забирают весь хлеб, для того, чтобы подорвать авторитет советской власти»⁷. Если в дореволюционный период во всех бедах обвиняли местную бюрократию и царских чиновников, то для нового «социалистического» сознания характерно «назначение» виновных среди «бывших» управленцев. Сигналы с мест все чаще содержат следующие реакции: «слишком много доверяет наша власть различным белогвардейцам, присосавшихся в советский аппарат. Они всячески

тормозят нашу стройку. Их нужно расстрелять на месте, жалость к таким не уместна»⁸.

Сохраняя традиционное чувство зависти к тем, кто смог «выбиться в люди», население региона видело в новой местной политической элите и производственной администрации потенциальных «командиров», что накладывало негативный оттенок на их восприятие: «вот тоже паразит сидит, одели его, выкормили, на место поставили. Такие вот паразиты доведут нас до того, что ездить будут на нас. Раньше было лучше, а теперь благодарим, у нас ничего нет»⁹. Одной из причин, объясняющих подобную реакцию населения являлось сохранение ощущения незащитности перед управленцами: «когда администрация захочет тебя уволить и уволит, или штрафную записку выпустят и не разговаривают, и никто ничего не может сделать, жмут нашего брата да и только»¹⁰.

В пятых, на восприятие местного аппарата управления существенно влияли бытовавшие в обществе предрассудки, то есть оценочные суждения, сложившиеся до того, как у отдельного представителя социума сформировалось определенное мнение о власти. Составляющими единицами предрассудков были так называемые «психологические эффекты» — особенности механизма усвоения и переработки информации.

Одной из наиболее характерных особенностей взаимодействия местных государственных органов и населения являлся перенос эмоциональной оценки одного представителя власти на всех остальных (эффект «затмения»). Опыт негативного общения с местным чиновником, берущим взятки, заставлял человека переносить подобную трактовку на всех остальных носителей властных полномочий: «они только и знают деньги брать»¹¹. Особенно явно эффект «затмения» проявлялся в восприятии населением членов коммунистической партии: «Все коммунисты шантрапа, они только болтают, а толку никакого»¹². При этом во главу угла ставились профессиональные качества и бездействие представителей органов власти, характеризующиеся высказываниями: «власть взяли, а управлять не можете»¹³.

Во многом оценка поведения членов властных структур зависела от степени переноса на них собственных чувств и эмоций, личного опыта взаимодействия с партийными или

производственными органами. Так, рабочий Надеждинского завода Соловьев, в ситуации острой нехватки продовольствия и жилищного кризиса, писал: «Коммунисты всегда делают так, сначала заманят, как собак, масляным блином, а потом покажут фигу — ждите, пока не подохните с голоду»¹⁴.

Существенное влияние на механизм восприятия власти оказывал эффект «опережения» (предварительной информированности). Мнение о том, что «толку к ним ходить, аппарат у нас оторван от масс, не ходит к нам, придешь к ним — накричат и ничего не дадут», заставляло население региона отказываться от «напрасного» обращения к местным органам управления¹⁵.

В меньшей степени, но нашел отражение в социальной практике общения с властью эффект «контраста». Сравнивая существующее положение дел с дореволюционным, рабочие отмечали сохранение традиционного дисбаланса: «нам как и раньше приходится жить в лачугах, а администрация так в хороших квартирах и живет»¹⁶. Ностальгируя по прошлому, население городов и заводских поселков проводило и более длительные исторические параллели: «Мы при царе жили лучше. В настоящее время душат, отбирают все. Коммунисты хуже опричников Ивана Грозного»¹⁷.

Под влиянием объективных и субъективных факторов воздействия формировался социальный облик представителей местной власти, с которыми население непосредственно сталкивалось в повседневной реальности. Он весьма отличался от образа центральной власти, зачастую «сакрализованной» в понимании народа. В сознании советских людей сохранилось представление о незнании руководством страны страданий народа. Выходом из сложившейся ситуации рабочим казалось письменное обращение к советским вождям, поскольку апеллирование к верховной власти опиралось на дореволюционную челобитную и петиционную культуру и сохранило ее традиции в восприятии носителей властных полномочий. На советских руководителей было перенесено патриархальное восприятие власти с ее традиционными защитными и судебными функциями: «Товарищ Сталин, я извиняюсь, что хочу Вам изложить правду, что у нас на самом деле имеется... и так буду надеяться, что тов. Сталин, что только через Вас дело будет устроено»¹⁸.

«Письма с мест» раскрывают методы управления, стиль жизни и нравы местной политической элиты, особенности функционирования низовых аппаратов. Поскольку повседневная жизнь представителей местных властей протекала на глазах населения, то оценка их поведения была окрашена личностным восприятием авторов обращений и содержала в основном критику недостатков, среди которых наиболее часто назывались: взяточничество, желание укрепить свое положение для материальных выгод, манипулирование населением, существование системы льгот и привилегий, пьянство, моральная и половая распущенность. Негативное восприятие «пороков» местной власти прослеживается в информационных сводках и отчетах окружных органов ГПУ о политических настроениях в регионе: «когда в Лаю приезжают представители, то или бьют морду или показывают кулаки», «уполномоченный по перевыборам заснул на столе в том помещении, где выборы намечались»¹⁹. Сами представители властных структур, например председатель РКИ Мешков, признавали за собой подобные пороки, но считали, что «мало ли что бывает, все мы пьем»²⁰.

Среди особенностей восприятия местной власти стоит отметить двойственность этого процесса. В силу сложившихся традиционных властных отношений население понимало и принимало изначальную порочность местной власти, но, в то же время, пыталось бороться с ее недостатками путем апеллирования к высшей власти. Например, в жалобе на уже упомянутого председателя РКИ Мешкова аккумулированы пороки, присущие руководителям низового звена управленческого аппарата: «он склонен к взяточничеству, ...на лицо бесхарактерность и отсутствие классового подхода, напивался до бессознательного состояния, терял пакеты, подделывал подписи»²¹.

Признавая изначальную порочность местной власти, население региона все же наделяло ее представителей положительными чертами, оценивая профессиональные и личностные качества, пусть даже в негативном контексте: «зачем идти в коммуны, когда сами передовики и местные советы в лице председателя не идут туда, верно что-то понимают, не с нашими головами»²².

Несмотря на задачу правительства по формированию нового политически активного гражданина, население региона оставалось

пассивным в отношении личного участия в местном самоуправлении. Делегируя властные полномочия «вновь избранным», население городов и заводских поселков абстрагировалось от прямого участия в организации социальной среды, что отражено в городском фольклоре: Коллективцы — ваша власть, / Что хотите делайте. При этом добавляя: Скоро власть перевернется, / По кустам не бегайте²³.

Недостаточное развитие социальной инфраструктуры, издержки производственного администрирования, изменение жизненных ценностей и приоритетов, разочарование в социалистических перспективах обуславливали поиск населением «виновных», в качестве которых чаще всего оказывались представители местной власти. Восприятие и оценка их деятельности, преломляясь через ценности, верования, принципы, уровень притязаний населения городов и заводских поселков существенно влияли на социальное поведение и выбор активной или пассивной стратегии взаимодействия с властью населения региона.

¹ Отдел по делам архивов Администрации г. Нижний Тагил (ОДААНТ), Ф Р-21 Оп 1 Д 811 Л 16

² ОДААНТ Ф Р-21. Оп 1 Д 1124 Л 102

³ ОДААНТ. Ф Р 21 Оп 1 Д 1162 Л 162

⁴ ОДААНТ Ф Р-70. Оп 2 Д 99 Л 94

⁵ ОДААНТ Ф Р-70. Оп 2 Д 225. Л 78.

⁶ Пословицы русского народа (под ред. Даля В. В.). М., 1996. С. 373-375

⁷ ОДААНТ Ф Р-21. Оп. 1 Д 811. Л 269.

⁸ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) Ф 4 Оп 6 Д 63 Л 110

⁹ ОДААНТ Ф Р-21 Оп. 1 Д 811 Л 31706 -318

¹⁰ ОДААНТ. Р-21 Оп 1 Д 811 Л 352

¹¹ ОДААНТ Ф Р-21 Оп 1 Д 811 Л 275

¹² ОДААНТ Ф Р 21 Оп 1 Д 811 Л 240

¹³ ЦДООСО Ф 4 Оп 6 Д 63 Л 110

¹⁴ ОДААНТ Ф Р 21 Оп 1 Д 811 Л 240

¹⁵ ЦДООСО Ф 4 Оп 10 Д 241 Л 7706

¹⁶ ОДААНТ Ф Р 21 Оп 1 Д 811 Л 381

ОДААНТ Ф Р-21 Оп 1 Д 811 Л 390

¹⁸ ЦДООСО Ф 4 Оп 10 Д 242 Л 51

⁹ ОДААНТ Ф.Р-21. Оп 1. Д. 811. Л. 22,41.

²⁰ ОДААНТ Ф.Р-21. Оп 1. Д. 811. Л. 16.

²¹ ОДААНТ Ф.Р-21. Оп 1. Д. 811. Л. 293.

²² ОДААНТ. Ф.Р-21. Оп 1. Д. 811. Л. 293.

²³ ОДААНТ Ф.Р-21. Оп 1. Д. 811. Л. 93.

Е. Ю. АПКРИМОВА

Общественное движение и проблемы охраны природы в Екатеринбурге в начале XX в. *

О проблемах охраны природы на Урале заговорили уже в конце XIX — начале XX в. К этому времени стали очевидными некоторые негативные последствия урбанизации, связанные с загрязнением природной среды. Промышленные центры на Урале значительно влияли на природные процессы, нанося урон флоре и фауне, приводя к ухудшению состава почв, снижению качества воды в водоемах, ослаблению здоровья местного населения. Общественные деятели, врачи, публицисты забили тревогу. Городские органы самоуправления, земства, Присутствие по горнозаводским делам при Уральском горном управлении в конце XIX — начале XX в. приняли ряд «обязательных постановлений», устанавливавших санитарно-гигиенические нормы для промышленных предприятий и населенных пунктов с целью поддержания в них чистоты и охраны народного здоровья¹. Уже тогда стало очевидно, нужны не только мероприятия по охране окружающей среды, необходимо менять мировоззрение общества, заниматься соответствующим образованием и воспитанием молодого поколения. В числе наиболее неблагоприятных с экологической точки зрения городов Урала был Екатеринбург — крупный промышленный, транспортный, торгово-финансовый центр. Именно здесь развернулось общественное движение по охране окружающей среды. Цель данной статьи — на материалах Екатеринбурга познакомиться с историческим (дореволюционным) опытом общественного движения по защите природы.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 04-06-96060)